

Глава четвертая
**ГОСПОДЬ
ДА БЛАГОСЛОВИТ
СЛУЖЕНИЕ МОЕ**

*Смирение дышит добротой...
Оно сближает и роднит людей.*

т. н. Симон

В 1972 г., 11 августа, скончался архиепископ Рязанский и Касимовский Борис (Скворцов), управлявший Рязанской епархией с 1965 г. Свободного епископа, которого можно было бы назначить на Рязанскую кафедру, не было. Таким образом, Рязанская кафедра оказалась вдовствующей, поскольку не имела своего архиерея. И тогда постановлением Святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена и Священного Синода от 11 октября 1972 г. епископом Рязанским и Касимовским определено было стать архимандриту Симону. Наречение архимандрита Симона во епископа состоялось 13 октября, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы в Покровском храме Московской духовной академии – после Всенощного бдения. Наречение совершили митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) впоследствии патриарх Московский и всея Руси, архиепископы: Краснодарский и Кубанский Алексей (Коноплев) – впоследствии митрополит Калининский и Кашинский; Дмитровский Филарет (Вахромеев) – впоследствии митрополит Минский и Слуцкий; епископы: Ташкентский и Среднеазиатский Варфоломей (Гондаровский) – впоследствии архиепис-

коп Орловский и Брянский; Саратовский и Волгоградский Пимен (Хмелевский) – впоследствии архиепископ; Виленский и Литовский Анатолий (Кузнецов) – впоследствии архиепископ.

14 октября, в праздник Покрова, те же иерархи после Божественной литургии в Покровском храме совершили хиротонию архимандрита Симона во епископа.

Так Божий Промысл связал хиротонию отца Симона с его любимым праздником – Покровом Пресвятой Богородицы. Как мы уже говорили, еще юношей он посвятил этому празднику свое стихотворение. Любил напевать праздничный тропарь: «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором».

Владыка Симон чувствовал таинственное покровительство Божией Матери и водительство Господне. В своем слове при наречении во епископа он говорил: **«Я всегда чувствовал на себе водительство Божие... и знаю и свидетельствую, что Он, Милосердный, никогда не оставлял меня Своей милостью, и радости и скорби обращая к пользе моей...»**

Утешаю себя надеждой на всегдашний покров Царицы Небесной и молитвенное предстательство преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, в обители которого я сподобился вступить в число «инокующих».

Прибегаю к молитвенному предстательству святых земли Рязанской, наипаче к святому Василию, ее первосвятителю, чтобы помогли управлять мне Богом данную рязанскую паству».

После хиротонии митрополит Алексей (Ридигер) вручил епископу Симону архиерейский жезл и произнес речь, в которой, в частности, сказал: **«Господь требует от нас, архипастырей и пастырей, прежде всего люб-**

ви к своей пастве. Добрый пастырь, по слову Спасителя, должен душу свою полагать за овцы своя. Но не только любовью, но и строгостью должен руководствоваться архипастырь...

В знак архиерейской власти прими сей жезл и с любовью преподай свое первое архипастырское благословение здесь присутствующим православным людям».

На место своего служения епископ Симон прибыл 19 октября 1972 г. в шесть часов вечера. Архипастыря встречали исполняющий обязанности секретаря Рязанского епархиального управления, настоятель Борисоглебского собора протоиерей Виктор Шиповальников, ключарь

*Епископ Рязанский
и Касимовский Симон*

*Митрополит Алексей вручает
архиерейский жезл епископу Симону*

собора протоиерей Александр Буров и протодиакон Павел Смирнов.

У входа в здание управления на улице Фрунзе эконом епархии преподнес владыке хлеб-соль, а отец Виктор Шиповальников в торжественном иерейском облачении с крестом в руке приветствовал его торжественной речью. После этого был совершен благодарственный молебен Господу о благополучном прибытии епископа Симона на Рязанскую кафедру.

22 октября, вечером, на праздник иконы Божией Матери Корсунской, епископ Симон в Борисоглебском соборе при большом стечении верующих совершил свою первую архиерейскую службу. В своей речи перед рязанской паствой он сказал: **«При одной мысли о том, что Господь вверяет моему недостоинству управление древней и славной епархией Рязанской, где из глубины веков встают дивные образы рязанских святых... глубокое благоговение и священный трепет объемлют мою душу...**

Прошу ваших святых молитв обо мне, да благословит Господь служение мое у вас на спасение вам, на помилование мне».

Так владыка приступил к управлению епархией, которая, как и другие епархии в России, переживала тяжелые времена. Время вступления его в должность управляющего совпало с усилением пропаганды безбожия со стороны государства. С 1972 г. в Рязани начал действовать научно-исследовательский атеистический центр. Он являлся главным филиалом Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Этот центр проводил как в Рязани, так и в областных районах научно-атеистические конференции. Во всех высших учебных заведениях города действовали клубы «Атеист».

Кроме того, в городе функционировало общество «Знание», которое активно занималось пропагандой атеизма. Его разместили в здании Ильинского храма. А в алтаре обустроили туалет для нужд членов общества.

Туалет в алтарной части находился и в Успенском соборе Рязанского кремля. Сам же собор использовался под Планетарий, то есть учебный класс для наглядных занятий по астрономии.

Вот такое отношение к Церкви было в те годы со стороны властей. И это происходило спустя более полувека после того, как великий поэт Сергей Есенин писал в «Стране негодяев» о том, что представители советской власти стремятся перестроить храмы в отхожие места!

Конечно, репрессии к тому времени прекратились. Но на смену прямым гонениям пришла тактика скрытого дав-

Успенский собор Рязанского кремля

ления на Церковь. Над ее деятельностью установили тотальный контроль через КГБ, уполномоченных по делам религий и, что самое печальное, через приходские советы, которые создавались спецслужбами и уполномоченными Совета по делам религий. Статья 14 Постановления «О религиозных объединениях» давала уполномоченному исключительное право создавать состав «исполнительного органа религиозных объединений» (так официально именовались приходские советы).

Архиепископ Саратовский и Волгоградский Пимен (Хмелевский), участвовавший в хиротонии отца Симона во епископа, вспоминал: «Представители местной власти нередко позволяли себе приводить в приход совершенно незнакомого человека, неверующего, и говорить: «Вот он будет у вас старостой».

Настоятели храмов не были главами своих приходов и не имели никакой власти. Всем ведал приходской совет. Он же платил им заработную плату и, по сути, нанимал на работу. Таким образом, священники становились наемниками. Приходские советы по своему усмотрению могли снимать их с обеспечения, то есть практически – с должности.

Так, в конце 1970-х годов приходским советом был снят с должности настоятель Борисоглебского собора протоиерей Виктор Шиповальников. Основная причина этого официально не указывалась, но была всем известна – отец Виктор отказался сотрудничать с КГБ. Он не стал по просьбе этого ведомства писать в «Журнал Московской патриархии» статью против гонимого тогда А. И. Солженицына, члена Рязанского отделения Союза писателей СССР.

Протоиерей Виктор Шиповальников за свой поступок также подвергся гонениям. Отметим, что он был

*Отец Иоанн Крестьянкин
и протоиерей Виктор Шиповальников*

духовным чадом отца Иоанна Крестьянкина, в будущем великого всероссийского старца, а в те времена – священника Космодамианской церкви села Летово Рязанской области.

Конечно, приходские советы обладали большой властью, но даже они не могли потратить на церковные нужды ни копейки денег без согласования с уполномоченным. Таким образом, многие храмы не ремонтировались, ветшали и приходили в крайне запущенное состояние. Это было на руку безбожной власти. Под предлогом непригодности зданий для совершения богослужений церкви закрывались. Так, в Рязанской епархии с 1972 по 1984 г. закрыли два храма.

Производить же ремонт на свой страх и риск не решались ни священники, ни приходские советы (а среди них были такие, что поистине заботились о церкви).

Всем был памятен происходивший в 1962 г. в Рязани процесс по делу секретаря епархиального управления

После архиерейской службы прихожане всегда провожали своего владыку

священника Константина Гаврилова и бухгалтера инокини Фивы Климентовской, дочери священномученика иерея Евгения Климентовского. Обвиняемых судили за то, что через них, как следует из дела, «...епархия приобретала в Москве кровельное железо для ремонта храмов и лампадное масло». За это отца Константина и матушку Фиву привлекли к суду и приговорили к четырем годам лишения свободы. Тогда по негласному благословию управляющего Рязанской епархией архиепископа Бориса (Скворцова) в рязанских храмах за осужденных стали возносить молитвы. И Верховный Суд РСФСР, рассмотрев кассационную жалобу, вынес им оправдательный приговор.

Епископ Симон, возглавивший Рязанскую кафедру в период постхрущевских репрессий, в чем-то шел по

пути святителя Василия Рязанского, который после нашествия Батыева «собирал расточенных, утешал скорбящих, ободрял унывающих».

С целью воодушевить верующих владыка Симон вел постоянный прием священников и мирян, а к тем, кто не мог по каким-либо причинам прибыть к нему, выезжал сам. В самые отдаленные уголки епархии, невзирая на непогоду и бездорожье, добирался рязанский архиерей, чтобы ободрить свою паству, помолиться вместе с ней, возжечь в душах людей свет веры, надежды и любви. И приходская жизнь в епархии мало-помалу оживилась. Немаловажным для епархиальной жизни являлось и то, что владыка, обладая высокими дипломатическими способностями, наладил мирные отношения с рязанским уполномоченным Борисовым. Конечно же, нельзя сказать, что представитель власти со своей стороны стремился к установлению добрых отношений с рязанским архиереем.

Борисов неоднократно проявлял свое неуважение к епископу Симону, который по-человечески переживал вспышки гнева уполномоченного. Переживал, но терпел, смирялся и кротко молился за него. Благодаря этому между ними сложились относительно благополучные отношения. Владыка Симон так говорил о смирении, которое приносит мир в отношения между людьми: **«Там, где смирение, всегда процветает мир и радость... с человеком, стяжавшим добродетель смирения, легко жить, с ним легко работать».**

Характерно, что в начале 1990-х годов, после упразднения института уполномоченных, Борисов навещал владыку Симона и просил прощения за причиненные неприятности. Мало того, когда владыка заболел, он доставал для него лекарства.

Рязанский архиерей умел налаживать добрососедские отношения, жить в мире и согласии даже с теми, кто отрицательно к нему относился. Об этом говорит следующий случай, рассказанный племянницей митрополита Симона матушкой Лидией Глазуновой: «Епархиальное управление на улице Фрунзе соседствовало с домом, в котором проживала ярая атеистка. Она держала у себя попугая и, чтобы досадить владыке Симону, научила его невероятно громко кричать. Когда же архиерей выходил на прогулку, она вывешивала клетку с попугаем вплотную к забору епархиального дома. И попугай начинал противно и громко верещать. И вот однажды, под какой-то светский праздник, владыка Симон как бы случайно встретил соседку на улице, поздравил с праздником и вручил заранее приготовленный подарок. Женщина была крайне удивлена, а вместе с тем приятно обрадована добрым отношением к себе. Она стала по-хорошему, уважительно относиться к владыке».

Таковы были плоды смирения рязанского архиерея.

«Смирение, – говорил владыка Симон, – дышит добротой и самую злобу побеждает. Оно сближает и роднит людей, завоевывает невольное уважение к себе и укрепляет симпатию».

Соседка, проникнувшись симпатией к владыке, больше ничем не досаждала ему. Вредный попугай не верещал на всю округу.

Зато откуда-то появился безобидный... говорящий ворон. Об этом вспоминает протоиерей Георгий Глазунов: «Зашел я однажды в епархиальное управление по приходским делам, слышу, во дворе какие-то странные выкрики раздаются.

Смотрю вокруг – никого нет. Потом заметил, что на заборе сидит ворон и выкрикивает какие-то слова. Откуда

уж взялся этот говорящий ворон, я не могу сказать».

А может, его привлекло гостеприимство хозяина епархиального дома на улице Фрунзе?..

По воспоминаниям референта владыки Симона иеромонаха Саввы (Михеева), двери епархиального управления были открыты для всех и днем и ночью. Порой отец Савва даже переживал за владыку. «Звонят ночью, – вспоминает он, – просят принять, а владыка уже почивать приготовился. Знаю, что

Сотрудники епархиального управления

он очень устал, думаю про себя, что ж это за люди такие, даже ночью не дают ему покоя. А докладывать о звонке я был обязан. И владыка всегда подходил к телефону и внимательно выслушивал звонивших, а если надо, то и принимал, несмотря на позднее время».

Напомним – это было время, когда епископ Симон следовал по пути святителя Василия, епископа Рязанского, служение которого, как сказано в его житии, «...одних утешило в скорбное для них время, другим дало пример веры и терпения». О поддержке, в которой по-

рой очень нуждается человек, владыка говорил так: «Она дарит его душе утешительное и бодрящее сознание, что он не одинок, что в трудную минуту он может обратиться за помощью».

Священник Сергей Рыбаков, бывший при владыке Симоне начальником отдела религиозного образования и катехизации, вспоминает: «Владыка по-отцовски относился ко всем, кто приходил к нему за помощью, от него «никто же тощ и неутешен отыде». Кому он помогал словом, кому – делом. Много людей получали помощь от владыки тайно, так, что никто не знал об этом».

Особенным являлось благословение владыки. Отец Сергей рассказывал: «Бывало, что над головой сгущались такие тучи, что я даже не знал, как дальше идти по жизни. Но встретишься с владыкой, расскажешь ему обо всем, выслушаешь совет, возьмешь благословение и идешь по предназначенному пути, и тучи рассеивались, и дорога открывалась прямая и простая.

А бывало наоборот, когда владыка не благословлял, а мы по своей воле что-то делали. И тогда дорога, казавшаяся прямой и светлой, превращалась в тернистый путь, по которому пройти было невозможно».

Но, общаясь со своей паствой напрямую, рязанский архиерей главным считал общение молитвенное, духовное. Он очень любил богослужения, особенно в кафедральном соборе, каким являлся тогда Борисоглебский храм. Когда-то на его месте стояла деревянная Борисоглебская церковь, в которой с 1291 г. служил святой Василий Рязанский. С тех пор и до 1522 года Борисоглебская церковь являлась кафедральным собором.

В 1932 г. году рязанские власти его закрыли и лишь решением Совета Министров СССР от 8 июля 1946 г.

Рязанский Борисоглебский собор. Фото конца XIX в.

в нем разрешили проводить богослужения. Правящим архиереем являлся тогда владыка Димитрий (Градусов), будущий ярославский архипастырь, который благословил юного Сергея Новикова на учебу в Московской духовной семинарии. Разрешение архиепископ Димитрий получил 22 июня, накануне дня памяти святителя Василия Рязанского. В этот день он пришел в Скорбященскую церковь и со слезами на глазах сказал об этом священникам, отметив несомненное предстательство святителя перед Богом об открытии Борисоглебской церкви.

27 января 1947 г. владыка Димитрий освятил ее главный престол, и она вновь стала соборной.

В 1947 – 1948 гг. в ней нес послушание ключаря игумен Пимен (Извеков), будущий патриарх Московский и всея Руси, который, будучи в сане епископа, рукополагал отца Симона во иеродиакона, а затем во иеромо-

наха. А став патриархом, святейший Пимен благословил хиротонию отца Симона во епископы.

Так, таинственным образом, Борисоглебский храм связал знавших друг друга трех святителей – архиепископа Димитрия (Градусова), патриарха Пимена и митрополита Симона, который стал их достойным преемником в деле спасения душ Богом данной паствы.

Помимо богослужений в храмах Рязани, владыка служил и в храмах области. После службы всегда говорил проповеди, в которых призывал свою паству чаще участвовать в церковной молитве, чтобы нравственно совершенствоваться и находить силы для борьбы со своими недостатками.

«Христианское богослужение, – писал владыка Симон в одной из статей, – есть источник духовной жизни для верующих. В храме совершаются святыя таинства, без которых невозможно не только спастись, но даже начать спасение. И только с помощью Божественной благодати, укрепляющей наши слабые силы, мы можем нравственно совершенствоваться...

Только находясь в постоянном духовном общении с Церковью и нравственно совершенствуясь при помощи Божией благодати, христианин может постепенно ослабить в себе силу всякой нравственной нечистоты. В этой борьбе со злом ему окажут большую помощь молитвы других членов Церкви за него... Особенно же сильна молитва в храме, где слабость и недостаточность молитвы одного члена восполняется крепостью и совершенством молитвы всей Церкви».